

Максим КАНТОР
СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА. *Галерист, Коллекционер, Психиатр, Яков*

Интерьер дома: по стенам – произведения современного искусства. Сцена заставлена объектами и инсталляциями. Присутствуют: рояль, замотанный в войлок, – произведение Бойса; холсты с полосками, в духе Ньюмана; абстракции в стиле Поллока, то есть кляксы и брызги; доски, утыканные гвоздями, как у Юккера; портрет Мэрилин Монро, произведение Уорхола; свинцовые квадратики, разложенные на полу, как у Карла Андрэ; супрематические квадратики, нарисованные на холстах.

На сцене галерист и коллекционер. Звонок в дверь. Входит психиатр.

Психиатр. Итак, где больной? Буйный? Дерётся?

Коллекционер. Сейчас мы его предъявим. Заранее предупреждаю. Крайне неприятный тип. Нельзя сказать, что буйный, но, сами понимаете...

Психиатр. Разберемся. Не в первый раз, знаете ли.

Галерист. Случай знакомый?

Психиатр. Встречались с такими явлениями, встречались.

Коллекционер. Спасибо, что пришли.

Психиатр. Работа. За что же благодарить.

Коллекционер. Непростая у вас работа! Тут один раз столкнешься и не знаешь, что и сказать. А вам каждый день приходится.

Психиатр. Привык.

Коллекционер. Вот сюда, проходите. Осторожней, это скульптура.

Психиатр. Какой очаровательный интерьер. Неужели Бойс! Ого, подлинный Уорхол. *(Смотрит на картину с полосками.)* Необыкновенная вещь! Поразительно. *(Делает шаг назад, замирает в восторге.)*

Галерист. Вы, я вижу, знаток.

Психиатр. Любитель. Просто любитель.

Галерист. Поверьте, мы все просто любители. Искусство затем и существует, чтобы его любили.

Психиатр. Однажды чуть было не купил, но... *(Разводит руками.)*

Коллекционер. Любовь – это главное. Требуется полюбить. Так и возникла моя коллекция. Сначала я просто полюбил одну картину. *(Указывает на холст с полосками.)* Увидел – и не смог пройти мимо. Подумал: нужно для интерьера. Повесил – и долго смотрел. *(Берет психиатра под руку.)* Я вглядывался в этот холст часами. Изучил каждую полоску, понимаете меня? Я знал эту картину лучше, чем свою мать.

Психиатр. Чем дольше смотришь на такие вещи, тем больше их чувствуешь.

Коллекционер. Приятно встретить единомышленника.

Галерист. Вот, прошу, поглядите отсюда. Нет, немного правее. Вот так. *(Разглядывают полоски.)* Чувствуете? Они вибрируют, да?

Психиатр. Поразительно. Ошеломляющий эффект.

Коллекционер. Вижу, вы разделяете мою страсть к живописи. Обратите внимание, здесь край отликает сиреневым.

Психиатр. Какая красота. Дух захватывает.

Галерист. И, главное, ничего лишнего. Сдержанно.

Психиатр. Только самая суть.

Галерист. Это я и называю: мастерство.

Коллекционер. Да, мастерство. Вы смотрите – и вдруг начинаете понимать, что и картина смотрит на вас. Она с вами говорит.

Психиатр. Я готов провести у вас весь рабочий день, разглядывая эту вещь.

Галерист. Беседуя с ней! Беседуя! Искусство – это постоянный диалог.

Коллекционер. Итак, я влюбился в эту картину. Потом мне потребовалась к ней пара. Понимаете?

Психиатр. Еще бы! Отлично понимаю! Как устоять!

Коллекционер. И тогда я приобрел вот это. *(Показывает на другой холст с полосками.)* Как вам? Да, я вижу, вы поняли. Это был судьбоносный поступок. Потом уже не мог остановиться. Это страсть, это мания. Мне снятся картины, которые не могу приобрести.

Психиатр. Лично я после вернисажей не могу уснуть, а если усну – снятся шедевры.

Коллекционер. Так вот где я вас видел! Мы с вами встречались на вернисажах! *(Жмет ему руку.)* Мы – люди одной группы крови!

Психиатр. Скажите, а не мог я вас видеть...

Коллекционер. Именно там! Именно там мы и встречались! Могу вам предложить вина?

Психиатр. Не откажусь.

(Разливают шампанское. Салютуют бокалами.)

Коллекционер. Люди одного круга, одних взглядов – поразительно, что мы понимаем друг друга с полуслова. И знаете, что помогает опознать родственную душу? Искусство!

Психиатр. Именно так. Современное искусство – это код человеческой коммуникации. Это шифр общения. Пароль.

Коллекционер. Это наш секретный язык Эсперанто. Азбука Морзе.

Психиатр. Вы посылаете мне сигнал – точка, тире, точка, тире. И я его принимаю!

Коллекционер. Вот зачем существуют творчество, красота, самовыражение. Вот зачем художники проводят линии и наносят мазки на холст. Чтобы люди могли находить друг друга по этим позывным.

Психиатр. Как врач подтверждаю. в этом состоит миссия искусства. Оно возводит мосты – от человека к человеку.

Коллекционер. Оно лечит души.

Психиатр. Лучше не скажешь.

Галерист. Перед вами одна из лучших коллекций современного искусства. Я горжусь, что всё приобретено в моей галерее.

Коллекционер. Если вас интересует авангард – обращайтесь к нему.

Галерист. В самом деле, с удовольствием помогу.

Психиатр делает несколько шагов, чуть не наступая на квадратики на полу, подпрыгивает.

Психиатр. Боже, такое сокровище – и на полу!

Галерист. Этот мастер крайне демократичен. Разрешает укладывать его вещи прямо на пол.

Коллекционер. Такой простой парень. Совсем не кичится ролью художника.

Галерист. Никакой дидактики.

Коллекционер. Казалось бы – обыкновенные квадраты.

Галерист. Именно эта простота и подкупает. Просто квадраты! Ха! Просто квадраты!

Коллекционер. А они далеко не просты! Совсем даже не просты!

Психиатр. Феноменально. А это что?

Коллекционер. Исключительно интересный объект. Автор проекта – выдающийся человек. Философ, буддист, наркоман, путешественник, поэт – незаурядная личность. О, вы его полюбите, когда познакомитесь. Итак, перед вами его последняя вещь. Держу пари, вы не догадаетесь, что это такое.

Психиатр. Хм. Теряюсь в догадках. Объект, который провоцирует изображение.

Галерист. Это замерзшая моча.

Психиатр. Быть не может. Просто невероятно.

Коллекционер. Дерзко, а? Неожиданно! Эпатирует!

Галерист. Всю зиму из писсуара галереи специальная трубка вела под крышу дома. Моча текла и замерзала на лету. За три месяца – возник шедевр. Желтый сталактит.

Психиатр. Ошеломляет. Не нахожу слов.

Галерист. И ведь никто не додумался. Казалось бы, идеи носятся в воздухе...

Коллекционер. Застывшая музыка.

Психиатр. Всегда кто-то должен быть первым. Однако к делу. Как не жаль отвлекаться, но что всё-таки произошло?

Галерист. Расскажи всё. Здесь нужны подробности. Ты говоришь с врачом, не забудь!

Коллекционер. Даже неловко. Знаете, мы позвали врача, а встретили друга. Мне просто совестно вас беспокоить.

Психиатр. Тем не менее, прошу вас, я приехал по вызову.

Коллекционер. Еще глоточек, прошу вас.

Галерист. Неприятная история. Ломали голову, как поступить. И решили – самое верное. звонить психиатру. Всё-таки суждение специалиста...

Психиатр. Вы поступили разумно. Значит, к вам ворвался...

Коллекционер. Не совсем так. Здесь собрались гости. У меня сегодня день рождения.

Психиатр. Позвольте... *(Привстает с бокалом вина.)* Рад знакомству. Многих лет! И новых шедевров! Будьте здоровы!

Галерист. Ну, если врач желает здоровья! *(Чокаются, пьют.)*

Психиатр. Итак, я слушаю.

Коллекционер. Одним словом, я позвал гостей. И, представьте, некий гость повел себя... скажем так, неадекватно.

Галерист. Не надо! Не надо смягчать! Повел себя вопиющим, возмутительным образом!

Коллекционер. Откровенно говоря, я растерялся. Мы живем в приличном доме, круг моих гостей – ну, сами понимаете, это люди известные. В конце концов, в подъезде охрана. Будем так говорить, попасть ко мне непросто.

Галерист. Случайных людей здесь не бывает.

Коллекционер. Вероятно, он прошел в общей толпе, и охранник его принял за своего. Народу было много.

Галерист. Мой друг – щедрый человек. Застолья здесь...

Коллекционер. Скажем так, я на продуктах не экономлю.

Галерист. Но, естественно, все разговоры крутились вокруг искусства.

Психиатр. О чем же говорить еще в этом доме?

Коллекционер. Еще немного шампанского?

Психиатр. Нет-нет, на работе я не употребляю. Сейчас я уже работаю.

Коллекционер. Ну, чисто символически.

Галерист. И вдруг – нет, не подумайте, что я преувеличиваю! – вдруг... вдруг... просто не нахожу слов.

Коллекционер. Короче говоря, погибло произведение. Незнакомый человек проник в дом, погубил произведение искусства. Самым хамским, откровенным, бесстыдным образом. Вот и всё. *(Говорит грустно, спокойно.)* Вот и всё.

Психиатр. Вандализм? Хулиганство?

Галерист. Я должен рассказать подробно. Видите ли, я принес имениннику подарок. Один из моих художников – оригинальный, острый, авангардный ум – создал провокационное произведение.

Психиатр. В этом – всё современное искусство.

Галерист. Вы, несомненно, поймете. Он создал десять прозрачных баночек, наполненных калом.

Психиатр. Любопытно.

Галерист. Десять совершенно одинаковых баночек, но экскременты, в них содержащиеся, различаются цветом, консистенцией и временем выделения. Каждая банка маркирована тем числом, когда она была заполнена.

Психиатр. То есть перед нами своеобразный дневник художника.

Галерист. Видите, вы сразу поняли, в чем суть. Вам – объяснять не надо.

Психиатр. Есть самоочевидные вещи. Азбука творчества.

Галерист. Именно так. Произведение глубоко интимное, я бы сказал, в чем-то романтическое, но – будем откровенны – провокативное по форме. Впрочем, все гости отнеслись к нему с уважением.

Коллекционер. Я считаю, это одна из жемчужин моей коллекции.

Галерист. И вот – произведение погибло.

Коллекционер. Тип, который проник сюда незваным, взял – и разбил две баночки. Нарочно, вызываясь, употребляя нецензурные выражения. Я не берусь повторять те ругательства, которые мы здесь слышали. Он бы уничтожил здесь всё – если бы его не связали.

Психиатр. Напился?

Галерист. Он вел себя как человек невменяемый – но не пьяный. Слушайтесь такое двадцать лет назад, я бы решил, что это агент КГБ. Помните времена, когда власти ломали произведения авангардного искусства? Помните, как бульдозерами давили картины?

Коллекционер. Сотни шедевров были арестованы в запасниках музеев!

Галерист. Запрещали выставки! Помните, как мы боролись с цензурой, учились говорить свободно. Помните этих оголтелых коммунистов, которые глумились над искусством!

Коллекционер. Жуткие времена! Знаете, один из моих охранников работал раньше в КГБ. Он мне такое рассказывал! О, чудовищно!

Галерист. И вот, спустя двадцать лет, мы видим осколок былой эпохи! Рудимент командно-административной системы.

Коллекционер. Конечно, я мог решить вопрос своими силами. Мог просто приказать охране – ну, вы меня понимаете. Или, например, сдать мерзав-

ца куда надо. Но сделать так не значит ли переложить проблему на чужие плечи? Есть мера ответственности перед обществом. Что, если этот тип социально опасен?

Галерист. Подержат в камере – и отпустят. Сами знаете, у нас к хулиганству относятся спустя рукава. И если ему это сойдет с рук сегодня...

Коллекционер. Завтра...

Галерист. Если его никто не остановит...

Коллекционер. Что, если это помешательство? Если он на людей – с ножом?

Психиатр. Не хочу пугать, но такие случаи бывали.

Галерист. Вот видишь! Я же говорил!

Психиатр (*ставит бокал*). Ну что ж. С вашего позволения приступлю к профессиональным обязанностям. Пригласите сюда вашего... хм... гостя. Где вы его держите?

Коллекционер. Сейчас приведут. Мы его в чулане заперли.

Психиатр. Я вас прошу на время меня с ним оставить.

Коллекционер. Если что, мы рядом. Охрана, сами понимаете. Камеры наблюдения.

Психиатр. Благодарю. У меня большой опыт. Кроме того, я приехал с бригадой санитаров. Это хорошая оперативная команда.

Галерист. Нам остается положиться на ваш опыт.

Галерист и коллекционер уходят. Входит Яков.

Психиатр. Здравствуйте, я профессор медицины.

Яков. Хорошо, что пришли. Меня здесь силой удерживают. Поможете уйти?

Психиатр. Я затем и пришел, чтобы вам помочь. Вас как зовут?

Яков. Меня зовут Яков. А вас?

Психиатр. Называйте меня «профессор». Не бойтесь меня, Яков. Я просто врач. Итак, Яков, вы пришли сюда в гости?

Яков. Да как-то случайно всё получилось. Познакомился с девушкой, пошел проводить. Она – сюда, и я – сюда. Потом в толпе ее потерял.

Психиатр. Ну что же. Так бывает. Случаются в нашей практике и такие случаи. Вы пришли в чужой дом, попали на чужой праздник. Так?

Яков. Ну, в общем, так.

Психиатр. Вас сюда не приглашали, мне кажется? Или я ошибаюсь?

Яков. Нет, не приглашали.

Психиатр. Однако вы пришли. Поели, попили. Я прав?

Яков. Выпил рюмку.

Психиатр. И затем вы стали портить чужую собственность. Вы производите впечатление человека образованного – наверное, догадываетесь, что предметы, уничтоженные вами, стоят больших денег.

Яков. Эти банки с дерьмом?

Психиатр. Это произведение искусства. Творение рук известного мастера.

Яков. Только не рук.

Психиатр. Простите?

Яков. Говорю, что это не творение рук. Дерьмо – оно из задницы лезет.

Психиатр. Я вас попрошу выбирать выражения. Мы с вами в приличном доме. Можно сказать, в музее. Каков материал, из которого изготовлено данное произведение, я не обсуждаю. Мрамор, бронза, бумага, экскременты – неважно. Это – искусство. Продукт духа человеческого. И творение рук.

Яков. Я потому эту дрянь и разбил, что это не искусство, а дерьмо. И надо было это показать. Я хотел, чтобы все вонь почувствовали.

Психиатр. Скажите, а вы имели право ломать эту вещь? Она – ваша?

Яков. Я, знаете, как рассуждал? Если это искусство – то оно принадлежит народу. А если это просто какашки – то какашки ведь ничего не стоят. Их в природе много. Я, если хотите, вам сейчас...

Психиатр. С чего же вы взяли, что искусство принадлежит народу?

Яков. В школе говорили.

Психиатр. Ах, в школе. В те времена. Понимаю, понимаю. И вас, наверное, учили бороться с таким искусством, которое народу не принадлежит? Говорите откровенно.

Яков. Ну да, учили отстаивать свою точку зрения.

Психиатр. Вы, простите, сталинист?

Яков. Нет-нет, что вы! Разве я похож?

Психиатр. Я просто спросил. Врач должен всем интересоваться.

Яков. Но я не болен.

Психиатр. Разумеется, нет. Что вы так волнуетесь? Конечно, не больны. Итак, вы не сталинист, Сталина не любите, уверены в этом?

Яков. Абсолютно уверен.

Психиатр. И не одобряете концентрационные лагеря? Попытки?

Яков. Да что вы такое говорите? Как вы можете подумать!

Психиатр. Итак, вы утверждаете, что вы – не сталинист, не любите диктатуру, не одобряете лагеря. Не признаете давление на людей. Я прав, вы не признаете давление на людей?

Яков. Ни в коем случае!

Психиатр. Как это мило. И мы хотим, искренне хотим вам верить. И вы – не гитлеровец?

Яков. Я?

Психиатр. Ну да, именно вы. Это просто вопрос.

Яков. Нет, как вы могли такое подумать?

Психиатр. Иными словами, вы – не фашист. Я правильно вас понимаю? Или все-таки вы симпатизируете фашизму?

Яков. Это просто бред. Какой же я фашист? Я ненавижу фашизм.

Психиатр. Благодарю вас. Мы, цивилизованные люди, осуждаем преступления фашизма, не так ли? И сталинизма тоже.

Яков. Безусловно!

Психиатр. И вы – за свободное общество, или я не прав? Говорите откровенно, не бойтесь.

Яков. Ну конечно, я за свободное общество!

Психиатр. Вы за демократическое государство, за гражданское общество, за идеалы прогресса? Я вас правильно понимаю?

Яков. Ну конечно.

Психиатр. Если хотите поспорить, то не стесняйтесь. Я здесь, с вами, чтобы помочь вам выяснить истину.

Яков. Вы задаете совершенно дикие вопросы! О чем я должен спорить? О лагерях? О фашизме? Я ненавижу фашизм и лагеря, как всякий нормальный человек.

Психиатр. Вы хорошо сказали. Как всякий нормальный человек. Прекрасные слова. Ведь гуманизм – это норма, не так ли?

Яков. Так и есть.

Психиатр. И мы живем среди людей. И обязаны считаться с их интересами – или я не прав? В этом и состоит основной принцип гражданского общества, не так ли?

Яков. Наверное, не знаю.

Психиатр. Например, нормальные люди относятся терпимо к тому, что соседи имеют собственное мнение о жизни. Согласны?

Яков. А как же иначе?

Психиатр. В демократическом обществе необходима терпимость к чужим убеждениям.

Яков. Естественно.

Психиатр. А то что же получится? Не согласен с моим мнением – ступай в лагерь! Это ведь нехорошо, не так ли? Давайте порассуждаем вслух. Вот вы не одобряете современное искусство. Это ваше мнение, если я верно понимаю.

Яков. Какое искусство? Где искусство? Что я не одобряю?

Психиатр. Ну-ну. Зачем же так волноваться?

Яков. Я не волнуюсь.

Психиатр. Вот и прекрасно. Я только поинтересовался вашим мнением о современном искусстве.

Яков. Вот этот горшок с кашками? Это, что ли, искусство? Или полоски? Может быть, эти полоски – искусство?

Психиатр. Ну вот. Вы разнервничались. Не нужно. Я ведь просто задал вопрос.

Яков. Где вы видите искусство? Вот эти банки? Пришел дурак, штаны снял, поднатужился – получилось искусство! Так, что ли?

Психиатр. Ну зачем же сразу называть человека дураком. Корректно ли это? Вы ведь его не знаете. Вы думаете иначе, чем он, но является ли это достаточным основанием...

Яков. А кто он еще? Настоящий придурок! Вот, пожалуйста, – наложил кучу в банку. Он что, умный? Я вот сейчас сниму штаны, сяду в углу и тоже навалю – это искусство будет? *(Начинает расстегивать штаны.)*

Психиатр. Прошу вас, ведите себя прилично. Ну зачем же в публичном месте снимать штаны, справлять... хм... потребности.

Яков. Значит, каждому дураку можно какать в углу – и это будет искусство, а мне – нельзя? Всякому дегенерату разрешается проводить полоски...

Психиатр. Опять. Опять вы оскорбляете незнакомых вам приличных людей. Ну как можно назвать людей – дегенератами? И лишь на основании того, что их взгляды отличаются от ваших. Ах, как некрасиво.

Яков. Взгляды? Какие взгляды у этого дегенерата с дерьмом? Какие взгляды у дегенерата, который провел полоски? Объясните мне, какие? Какие взгляды скрываются за этими полосками? *(Подходит к полотну с полосками, тычет в них пальцем.)* Какие здесь взгляды? Какие здесь взгляды?

Психиатр. Некий взгляд на мир.

Яков. Какой взгляд?

Психиатр. Некий взгляд.

Яков. Если полоски – это взгляд на мир, то человек, имеющий такой взгляд, является дегенератом.

Психиатр *(мягко)*. Вам кажется, что вы имеете право выносить суждение о другом человеке в столь категоричной форме?

Яков. Если человек – дегенерат, а его считают талантом, то надо рано

или поздно назвать его дегенератом. Сколько можно! Пялимся на эти полоски и не осмеливаемся вслух сказать, что думаем. Да, дегенерат! Наглый тупица.

Психиатр. Вы слышали о том, что Гитлер в тридцатые годы организовал выставку и назвал ее «Выставка дегенеративного искусства»? На эту выставку он поместил полотна новаторов – авангардистов, кубистов, сюрреалистов.

Яков. Ну и что?

Психиатр. Вы солидарны с оценкой Гитлера?

Яков. Знаете, скажу вам откровенно. Леонардо да Винчи был умнее тех, кто проводит полоски. По сравнению с Леонардо автор полосок – дегенерат. И Гитлер здесь ни при чем.

Психиатр. Ну вот, вы уходите от вопроса.

Яков. Послушайте, если Гитлер считал, что дважды два четыре – а он наверняка так и считал! – это не значит, что мы должны теперь отменить таблицу умножения.

Психиатр. А вы хотели бы отменить таблицу умножения?

Яков. Нет, не хотел бы! Что вы меня путаете?! Гитлер во многом не прав, он – злодей, но если он считал, что дважды два – четыре, то в этом пункте он прав!

Психиатр. То есть Гитлер не всегда ошибался, я правильно вас понимаю?

Яков. При чем тут Гитлер?! Дважды два четыре – это не Гитлер придумал! Он так считал вместе со всем человечеством. Это общая истина!

Психиатр. То есть Гитлер оперировал общими истинами, на благо всему человечеству, не так ли?

Яков. Да что вы такое говорите?

Психиатр. Я только пытаюсь понять ваши слова.

Яков. Я ничего подобного не говорил. Я сказал, что Гитлер мог повторить общеизвестную вещь – например, сказать: «дважды два четыре» – и эта общеизвестная истина не стала неправдой оттого, что ее сказал Гитлер.

Психиатр. Значит, вы считаете общеизвестной истиной то, что люди, имеющие взгляд на мир, отличный от вашего, – дегенераты? Я верно понимаю?

Яков. Я так не говорил. Что вы несете! Что вы передергиваете! Я сказал про эти дерьмовые полоски, что их намалевал какой-то дегенерат! А другой дегенерат назвал это дерьмо искусством! А третий дегенерат повесил на стенку! Вот что я сказал! И при чем здесь взгляды! Чьи взгляды?! Гитлера? Навуходоносора?

Психиатр. Позвольте. Я призываю вас сохранять спокойствие. Мы здесь, чтобы вам помочь понять самого себя. И только. Зачем же кричать? Зачем упоминать Навуходоносора?

Яков. Как пример, абсурдно далекий от дискуссии.

Психиатр. Давайте рассуждать логически. Без Навуходоносором, Наполеонов, ладно? Если можно, будем последовательны. Я спросил вас – разделяете ли вы идеалы фашизма. Так? Вы ответили отрицательно. Затем я спросил вас, почему вы не любите современное искусство. Вы определили авторов современного искусства как дегенератов. Верно? Я сказал вам, что так же поступал Гитлер, называя дегенератами тех, кто не разделял его взглядов. Картины художников, с убеждениями которых был не согласен, он называл «дегенеративным искусством».

Яков. Ну и что?

Психиатр. Только то, что ваши суждения совпадают с суждениями Гитлера. А вы говорите, что вы не фашист.

Яков. Значит, тот, кто не любит эту мазню, – фашист? Если мне не нравятся кашки в банке – я фашист?

Психиатр. Не надо быть столь категоричным. Что значит: не нравятся кашки? Может быть, вы не понимаете автора. Скажите лучше. я не понимаю эти кашки.

Яков. А что тут понимать? Что можно понять в кашках! Бред!

Психиатр (*кротко*). Всегда можно найти форму высказывания, не унижающую личность другого. Вам не удастся найти общий язык с автором этого произведения. (*Указывает на банку с фекалиями.*) Так не лучше ли вместо брани просто сказать: «Мне это не близко».

Яков. Что не близко? Говно?! Мне это говно не близко?! А надо как? Ближе?

Психиатр (*жестами успокаивает Якова*). Или можно сказать так: «Это не мое». Деликатно, сдержанно, не унижая оппонента. «Это не мое» – и всё.

Яков. Конечно, не моё! Это кто-то другой нагадил! Я тут ни при чем. Не моё дерьмо! Чужое! А меня носом тычут – говорят: искусство. Мерзавцы! Дегенераты!

Психиатр. Ну вот, опять вы проявляете агрессию, несовместимую с вашими собственными убеждениями. Вы говорите, что не любите давления на другого человека. Зачем же высказываетесь в оскорбительной манере? Скажите так: «Я этого не понимаю».

Яков. Чего не понимаю?! Говна не понимаю?! Что вы из меня идиота делаете! Собрались тут, профессора!

Психиатр. Умоляю вас, успокойтесь. Вы ведь утверждаете, что вы нормальный человек.

Яков. Да, нормальный! Да, нормальный человек!

Психиатр. Как славно. Я и обращаюсь к вам как к нормальному члену общества. Задаю простые вопросы. Стараюсь помочь. Успокоить.

Яков. Не надо! Успокаивать не надо! Я не волнуюсь!!!

Психиатр. Складывается впечатление, что вам надо помочь. Мой долг – помочь разобраться с базовыми понятиями. Тогда и волнение пройдет. Проведем простейший тест. Вот скажите мне – как нормальный член общества – что вы думаете, глядя на этот квадрат? (*Показывает лист с черным квадратом.*)

Яков. Что думаю? Ничего не думаю. Ну, квадрат.

Психиатр. Приглядитесь внимательнее.

Яков. Ну, черный квадрат. Намазали на бумаге.

Психиатр. Смотрите пристально. Понимание придет.

Яков (*таращит глаза*). Ну, квадратный квадрат. Черного цвета. Слушайте, чего пристали? Здоровый я, не дальтоник.

Психиатр. Вы не хотите понять этот квадрат.

Яков. Профессор, что можно понять, глядя на квадрат?

Психиатр. Вы не хотите сделать усилие.

Яков. Я стараюсь. Может быть, этот квадрат мне – как это? – ну, не близок? Может быть, это не мое?

Психиатр. Даю вам последнюю попытку. Последний шанс.

Яков (*напряженно всматривается*). Черный квадрат. Я стараюсь, профессор! Квадрат. Черный. Ничего как-то в голову не идет.

Психиатр. А это, между прочим, великое произведение искусства, признанное нашим обществом.

Яков. Чепуха. Я думал, вы мне специальные докторские бумажки показываете, а вы – картину этого придурка! Не надо! Надоело!

Психиатр. Многие авторитетные люди считают, что черный квадрат – это символ свободы.

Яков. А зеленые полоски – это символ добродетели! А красные кружочки – символ добра! Ну и дураки! Как квадрат может быть символом свободы?

Психиатр (*очень терпеливо*). Так считает наше общество. Вы являетесь членом нашего демократического общества, не правда ли? Могли бы уважать мнение своих сограждан. Наше общество считает, что авангард есть выражение свободы, а черный квадрат есть символ авангарда. Следовательно, черный квадрат – это символ свободы. Вы не согласны?

Яков. Слушайте, а вы ничего не путаете? Это же просто клякса. Вы меня разыгрываете, да? Нет, если какие-то болваны считают эту кляксу символом...

Психиатр. Кто, простите, болваны? Общество – в целом? Уточните вашу мысль. Все люди, признавшие квадрат символом свободы, – болваны? Я не слышался?

Яков. Придурки! Дегенераты! Кретины!

Психиатр. Простите, вы, значит, считаете, что всё общество состоит из дураков и дегенератов, а вы один – нормальный? Вас не настораживает такое положение дел?

Яков. Оставьте меня в покое! Да, я нормальный! А всё общество – обманули! Ну обманули людей! Я-то здесь при чем! Ну одурачили. Бывает! Развели лохов. Полное надувательство, мировая афера!

Психиатр. Значит, вы считаете, что весь мир не прав? Я вас верно понимаю?

Яков. Ну да, околпачили мир. Впаривают лохам какашки, квадратики, полоски, закорючки – а раззявы верят, реальные деньги платят! Приходят к богатым лохам всякие проститутки на каблуках и говорят: купите квадратики – это символ свободы! И по телевизору врут без конца. И в книжках врут! И в музеях врут!

Психиатр. Везде врут. Это просто заговор, не так ли? Везде раскинули сети.

Яков. Разумеется, заговор! Так нарочно делают. Покажут дуракам полоски и говорят: это гениально. Почему гениально – не говорят. Ведь невозможно объяснить, почему какашки – это гениально. И еще говорят: это теперь модно! Ну, лох посмотрит, послушает и лезет за деньгами.

Психиатр. И много денег нажито нечестным путем?

Яков. Миллиарды!

Психиатр. Похоже, вы раскрыли мировой заговор, а? Поразительно! Никто не догадался, а вы догадались. Скажите, вас не преследуют участники этого заговора? За вами не следят?

Яков. Очень может быть, что и следят. Я всем вокруг говорю то, что думаю, и многие обиделись. Считают, что я сумасшедший. Следят, думают, посуду бить начну.

Психиатр. Я так и предполагал. Участники мирового заговора не могут вам простить, что вы дознались до истины. Заговор, как я понимаю, обширен?

Яков. Знаете, это просто нормальная индустрия. Заводы, фабрики, магазины! Квадратики штамповать – как фальшивые деньги печатать. Поток фальшивых купюр пойдет – тут ведь не остановишься. Желающих руки погреть хватает. Их целая армия!

Психиатр (*очень мягко*). Разумеется. Они повсюду, да?

Яков. Кураторы, галеристы, директора музеев, коллекционеры, искусствоведы! С этого дела столько народу кормится! Индустрия, говорю вам!

Удобное производство! Затраты на производство – нулевые, а доходы огромные. Нарисовал квадратик – а тебе денег дали. Поставил в музей телевизор, на экране дядька рожи корчит. Труда никакого, а эффект колоссальный. Или – кучу в углу навалил. Или – полоски провел. Это ведь несложно, да? Продают самовыражение – для этого берется кретин, выражает, что умеет, а ловкие делеяги эту дрянь впаривают публике.

Психиатр. И никто до сих пор не догадался?

Яков. Слушайте, так это же рынок – все устроено по законам наживы. Кто же от барыша откажется? Всем участникам рынка удобно – художник вообще не нужен, любого придурка возьми, пусть он полоски рисует или испражняется в банку. А мы его говно объявим шедевром и загоним. Критериев-то нет! Самовыражение! А какое – неважно. Хороший художник даже мешает, без него процесс легче идет. Тут важно, чтобы всё было одинаково бессмысленно, тогда рынок работает бесперебойно.

Психиатр (*ласково*). Тревожная ситуация.

Яков. Понимаете, зашло так далеко, что от этой дряни уже невозможно отказаться. Написаны тома, созданы музеи. Детям объясняют, что полоски воплощают добро, а квадратики – свободу. Вы посмотрите, сколько людей с этого производства кормится! Они останутся голодными, если объявить ба-рахло – бараклом.

Психиатр (*терпеливо*). Наверное, вы могли бы подсказать бедным обманутым людям, каким должно быть настоящее искусство. Вы взяли бы на себя роль учителя?

Яков. Не поможет. Уже ничего не поправишь. Настоящего искусства столько не существует, чтобы накормить эту армию прохвостов. Настоящее искусство, оно для толпы не делается, это штучный товар. А здесь нужно массовое производство. Ведь что произошло, доктор? Давайте я вам расскажу.

Психиатр. Только не волнуйтесь так.

Яков. Я стараюсь. Вот смотрите. Создали производство какого-то продукта, который назвали искусством. Целая промышленность! Эта промышленность гораздо мощнее, чем та, которая производит искусство. Эта промышленность обслуживает большее количество людей. У нее потребителей в миллионы раз больше. Сырья больше. Доходы выше.

Психиатр. Правильно ли я понимаю, что эта промышленность создает продукт, который ошибочно называют искусством?

Яков. Да! Вы меня поняли!

Психиатр. Но скажите, какое действие оказывает на людей этот продукт? Люди развлекаются, смеются, заполняют свой досуг, видят красивые яркие вещи, украшают дома, так?

Яков. Так.

Психиатр. И люди довольны? Или я ошибаюсь?

Яков. Их убедили, что надо быть довольными, и они довольны.

Психиатр. Давайте порассуждаем, только спокойно, без криков. Умоляю, не волнуйтесь! Если люди довольны и видят красивое, то значит, поставленную цель данная продукция выполняет. Значит, перед нами искусство.

Яков. Да нет же! Это не искусство – это как наркотик! Просто сейчас так много народу на свете, что всю массу людей искусством уже не накормишь. Надо дать наркотик, и по сильнее, чтобы всех разом одурачить. Это как психотропное лекарство в больнице.

Психиатр. А вы раньше бывали в больнице? Лечились? Таблеточки принимали? Я просто так спрашиваю, не волнуйтесь.

Яков. Какие, к чертовой матери, таблеточки! Это пусть всякие дегенераты колются и ширяются! Вы посмотрите на этих козлов-авангардистов – они же все на игле! Я нормальный, слышите! Нормальный! Ну что во мне ненормального?! Мне просто говно в банках не нравится! Я просто квадраты символами свободы не считаю! А то еще мужики в баб наряжаются, и на сцене пляшут! Жопой крутят! И говорят: искусство! Ненавижу кретингов!

Психиатр. Вы, я вижу, не одобряете секс-меньшинства? Наверное, считаете, что гомосексуалистов надо сажать в тюрьму? Есть такое мнение. Вы не стесняйтесь, говорите, что думаете. Скажите, люди другого цвета кожи вам не нравятся? Негров не любите? Вы расист? А евреи вас раздражают? Жидомасонский заговор не хотите раскрыть?

Яков. При чем здесь жидомасоны?

Психиатр. Просто спросил. Интересуюсь вашими взглядами. Вы антисемит? Как относитесь к Холокосту? Может быть, одобряете?

Яков. При чем здесь Холокост?!

Психиатр. Прошу вас, сядьте. Как вы покраснели. Ой-ой-ой, как веко дергается. У вас давление по утрам скачет? Ну-ну, не волнуйтесь, немного подлечитесь, и все пройдет. Пара укольчиков, и дело пойдет на лад. Однако вернемся к Холокосту. Нам ведь важна логика, не правда ли? Последовательность в рассуждениях – вот признак здоровья.

Яков. Я ни словом не обмолвился про Холокост. Доктор, мне не нравится наш разговор.

Психиатр. Согласитесь, что от ужасов Холокоста человечество спасла либерально-демократическая идеология. Демократия победила фашизм. Демократия уравнила в правах евреев и арийцев, негров и белых, мужчин и женщин. Вы к этому факту как относитесь?

Яков (*беспокойно*). Положительно. Профессор, я отношусь положительно! Я не расист!

Психиатр. Открытое общество дает возможность людям иметь разные взгляды. Их не преследуют ни за цвет кожи, ни за оригинальное мышление. Скажем, если человек – еврей, его не посылают за это в газовую камеру. Это ведь не плохо, не так ли? Если кто-то хочет рисовать квадраты – пожалуйста, он имеет на это право. И если мужчина хочет надеть женское платье, демократия его не осудит. Мне любопытно, вы, наверное, считаете такую позицию общества ошибочной? Вам кажется, что демократия не права, не так ли? Вот, например, премьер-министр Великобритании Тони Блэр очень любит авангардное искусство. Его, наверное, обманули.

Яков. Обманули! Или сам – дурак!

Психиатр. Вот как? Тони Блэр – дурак? Любопытное заявление. Вам кажется, что вы умнее известного политического деятеля? Вы чувствуете себя вправе выносить резкие суждения в его адрес, не так ли?

Яков. Ну что вы ко мне пристали! Если он чувствует себя вправе бомбить другие страны, то почему же я не вправе назвать его – дураком? Я хотя бы бомбами не кидаюсь. Просто говорю. Блэр – дурак.

Психиатр. Очень интересно. Он дурак, потому что любит авангардное искусство? Или дело в том, что ценности, которые он предлагает миру, – фальшивые? Может быть, и наш президент в чем-то не прав? Уточните, прошу вас. Может быть, вам кажется, что демократическая политика свободного мира – глупость? Вы не стесняйтесь, высказывайтесь. Говорите, развивайте вашу мысль! И демократия вам, наверное, не по душе? Ведь то искусство, которое вы критикуете, – это выражение демократии, не так ли? Значит, и

демократия как таковая – глупость. Я вас верно понял?

Яков (*тревожно*). Профессор, мне кажется, мне готовят какую-то ловушку.

Психиатр (*оглядывается с преувеличенным вниманием*). Кто готовит ловушку? Участники мирового заговора?

Яков. Не знаю. Может быть, вы готовите.

Психиатр (*разводит руками, улыбается*). Я? Помилуйте! Я просто врач. Ваш добрый доктор. Пришел обсудить проблемы искусства. Хочу узнать ваше мнение о внешней политике демократических государств. Обсудить с вами передовицы газет. Только и всего. Где же ловушка?

Яков (*говорит тихо, осторожно, оглядываясь*). Хорошо, профессор. Я вам скажу, что происходит с миром. Только нам с вами надо быть очень осторожными. Я чувствую какой-то подвох.

Психиатр (*подыгрывает, говорит тоже тихо*). Я буду нем как могила. Ни одной живой душе.

Яков. Никому, ладно?

Психиатр (*шепотом*). Всё строго между нами. Говорите.

Яков. Смотрите, что происходит. Видите эту пакость? Вот эта дрянь (*показывает на стены и предметы современного искусства*) есть продукт нашего свободного мира. Свободное демократическое общество сознательно производит всю эту мерзость. Странно, да? Я, когда понял, что происходит – просто удивился! Тирания делала статуи, монархия производила заказные портреты – а демократия производит такие вот штуковины. Повсеместно – одни и те же штуковины. Вот освободился Советский Союз – и все художники стали рисовать полоски и какать в горшочек. Раньше они Сталина рисовали – а теперь в горшочек какают. Вот эти какашки – есть достижение демократии. (*Вдруг нервничает.*) Не перебивайте!!!

Психиатр. Что вы, что вы, я внимательно слушаю!

Яков. А то меня всегда перебивают. И вот, когда демократию распространяют по миру, то распространяют любовь к этим вот какашкам и к полоскам. Любишь демократию? Тогда изволь любить полоски – потому что это самовыражение демократии. Понимаете?

Психиатр. Я слежу за вашей мыслью.

Яков. Получается, что когда свободные страны продвигают по миру демократию, они продвигают любовь к какашкам. Бомбят несвободные страны – и делают это, чтобы принести туда какашки и полоски. Но, доктор, это же абсурд! Вот мы все ругаем Мавзолей Ленина, да? И верно, уродство! Лежит там мумия, мертвец набальзамированный, ужас, верно? Прямо какой-то языческий культ! Так ведь какашки и полоски – еще хуже! Хуже, чем Ленин! Ну, Ленин, он хоть крестьянству образование дал! А какашки что сделали?! Что какашки хорошего сделали?!!

Психиатр. Успокойтесь, голубчик. Хотите капелек?

Яков. Не надо!!! Отстаньте со своими капельками! Я вам важные вещи говорю! А вы мне про капельки! Бестактность какая! (*Психиатр жестами успокаивает Якова.*) Поймите, вся эта дрянь – это и есть идеалы, которые мы навязываем миру. Говорим, что несем свободу, а несем – какашки! Полоски! Квадратики! Пиписки! Это же дикость! Какое право у демократии считать себя самым хорошим строем, если она несет миру всю эту гадость! Не знаете? А я вам скажу, доктор! Мы впариваем массовую продукцию самовыражения. А для массовой продукции – нужно много потребителей! Демократии просто нужны рынки – вот и всё! Мы захватываем потребителей! Больше! Больше!! Больше!!! Еще больше народу! Надо всех дикарей убедить, что ог-

ненная вода стоит жемчужных ожерелий. Всем впарить наши поделки! Вот уже индусы покупают полоски! Вот уже русские банкиры хватают какашки! Вот уже китайцы собирают квадратики! Индустрия какашек – вот что такое демократия! Весь мир загадили!

Психиатр. Кто? Участники мирового заговора?

Яков. Они! Они, профессор! Всё опутали! Не скроешься! Хуже Гитлера, вот что я вам скажу!

Психиатр. А может быть, всё не так страшно? Может быть, вы преувеличиваете? И есть положительные аспекты в прогрессе, в демократии, в свободе?

Яков. А что хорошего?

Психиатр. Вот, например, медицина.

Яков. Так это только для богатых мерзавцев. Для тех, кто какашки собирает, для них и прогресс. Какой, к чертовой матери, прогресс! Где прогресс?! Мерзость одна! Нет прогресса! Мировая экспансия! Угнетение голодных! Колонизация! Глобализация!

Психиатр. Голубчик, вам нехорошо?

Яков. А вам – хорошо? Вам что – это нравится??? Вам это говно – нравится? *(Тычет психиатру в нос горшочек с фекалиями.)*

Психиатр. По-моему, это любопытный, прогрессивный месседж. Будит воображение.

Яков. И сосулька из мочи вам нравится?

Психиатр. По-моему, красивая интерьерная вещь.

Яков. И эти дерьмовые полоски нравятся?

Психиатр. Очень стильно. С большим мастерством и вкусом сделано.

Яков. Вы издеваетесь надо мной!

Психиатр. Что вы!

Яков. Вот эта мерзость – красива?!

Психиатр. Безусловно.

Яков. Я сейчас спячу. Я ничего не понимаю. Я с ума, наверное, сошел.

Психиатр. Боюсь, что так.

Яков. Считаете меня сумасшедшим?

Психиатр. Больным, весьма опасным для общества. Вас, голубчик, надо изолировать.

Яков. Меня? Изолировать?

Психиатр. Причем немедленно. Вы оскорбляете людей. Вы легко переходите границы приличий. Вам ненавистны идеалы нашего открытого общества – свобода, прогресс, демократия. Вы активно выступаете против самовыражения. Ненавидите секс-меньшинства. Вы только что заявили, что идеалы Ленина вам ближе, чем идеалы прогрессивного искусства. Вы придерживаетесь взглядов Адольфа Гитлера. Как можно вас оставлять с другими людьми? Знаете, мне страшно. Просто страшно.

Яков. Не надо. Прошу вас, профессор. Не надо меня в сумасшедший дом. Ну да, я открыл мировой заговор. И что такого? Разве за это надо в психушку?

Психиатр. Ну вот. Мировой заговор. Мания преследования. Вы, голубчик, отрицаете прогресс. Вы – я ведь не ошибаюсь, не так ли? – обыкновенный террорист. Эй, бригаду сюда! *(Входят санитары.)*

Яков. Я вас умоляю. Ну за что же?! Я не террорист. Я просто мировой заговор обнаружил. Отпустите руки! Нет, если нельзя, то просто так и скажите! Пожалуйста, я согласен! Пусть будет мировой заговор! Пусть говно! Пусть! Только отпустите! Ради Бога! Да я согласен на всё! Я и пидарасов люблю!

И говно тоже уважаю! Помилуйте! Хотите, тоже в банку насру! Не крутите руки! Я – за! Я – против Гитлера! А если надо – я за Гитлера! Только отпустите! Я – за демократию! Помилуйте, братцы! *(Якову затыкают рот и уводят. Входят Коллекционер и Галерист.)*

Коллекционер. Спасибо вам. Я понимаю, как это было непросто. Я ценю ваш труд. Знаете, это своего рода подвиг. Нет слов.

Психиатр. Что вы. Случай из практики.

Галерист. Но каков субъект! Опасный выродок.

Коллекционер. Хулиган и циник. Разве можно? У меня, знаете ли, есть охранник, довольно жесткий человек, но и он был поражен.

Галерист. Вот в чем уязвимое место демократии. Во вседозволенности. Такой мерзавец может запросто жить рядом с вами. Сосед, так сказать. Люди радуются жизни, а один выродок все портит. Нет, конечно, с такими элементами надо бороться без пощады.

Коллекционер. Даже не знаю, как вас и благодарить.

Психиатр. Ну что вы. Какие пустяки. Моя работа.

Коллекционер. Мы с вами, можно сказать, подружились. Просто неловко предлагать вам конверт с деньгами. И всё-таки. Каков ваш гонорар?

Психиатр. Ах, оставьте. Право, не стоит.

Коллекционер. Нет-нет, так не годится. Я не отпущу вас с пустыми руками. Нет-нет, это невозможно.

Психиатр. Я не возьму ни копейки! Это просто неприлично! Мы – единомышленники. Мы принимаем позывные друг от друга. Позывные искусства. Знаете, лучшим гонораром будет разрешение приходить к вам в гости. Я хочу навещать эту картину *(указывает на картину с полосками)*. Хочу приходить к ней на свидание, вступать в бесконечные споры. Она будет своевольной – то станет радоваться моему приходу, а то начнет прятать глаза, сердиться. Она будет меня спрашивать: почему ты долго не шел? Я буду ждать этих встреч, буду вспоминать о ее полосках.

Коллекционер. Ну, тогда... тогда... Если вы такой человек... Тогда я вам подарю одну из этих баночек. Берите, не смейте отказываться! Это от чистого сердца! *(Протягивает психиатру баночку с экскрементами.)*

Психиатр. И не подумаю отказаться. Мое сердце коллекционера – дрогнуло. Я уже не смогу без этих баночек. Подумать только! Вы мне ее подарили!

Коллекционер. От чистого сердца. Когда вижу такого же, как я, энтузиаста, брата по крови – уже не могу ни в чем отказать.

Психиатр. Не могу поверить! Это сокровище – моё! Можно вас обнять?

Коллекционер. Я так рад вам угодить. *(Психиатр и Коллекционер обнимаются, троекратно целуются.)*

Психиатр. Закажу специальный подиум для этой вещи. *(Галеристу.)* Что бы вы посоветовали? Как лучше экспонировать? Просто в себя не могу прийти.

Галерист. Да уж. Вам повезло. Я же говорил, что мой друг – щедрый человек. Как экспонировать? Я считаю – предельно просто. На письменном столе, с небольшим бронзовым пьедесталом.

Психиатр. Как-то специально надо ухаживать?

Галерист. Ну, если запылится, тряпочкой банку протрете.

Психиатр. А если, простите за вопрос, содержимое начнет портиться? Во мне говорит физиолог, всё-таки я врач, и органические процессы мне известны.

Галерист. А что же тут может испортиться? Продукт самый натуральный.

Психиатр. Ну, как вам сказать. Продукт имеет свои особенности. Я ду-

мал, у вас предусмотрено... Ну, например, если пойдет брожение. Я думал, у вас нарочно крышечка на винте, чтобы содержимое менять. *(Отвинчивает крышку, принимает.)* Позвольте... Позвольте! *(Суёт в банку палец, подносит к носу.)* Позвольте!

Коллекционер. Что такое? Ради бога. Что случилось?

Психиатр. Это подделка.

Коллекционер. Как подделка?

Психиатр. Это не экскременты. Это пластилин.

Коллекционер *сует в банку палец, вынимает, изучает содержимое банки.*

Галерист пятится к выходу.

Коллекционер. Подделка? Подделка?

Галерист продолжает пятиться.

Коллекционер. Как же ты мог, шельмец! Я верил в тебя! Я верил! Как же такое возможно, господа!

Галерист (пятится). Ну-ну, не волнуйся так. Подумаешь, дерьма ему не доложили.

Коллекционер. Дерьма не доложили?!

Галерист. Ну, чего уставился? Не нравится – так возьми сам да нагадь в банку. *(Пятится.)*

Коллекционер. Что ты сказал?!

Галерист пятится к выходу.

Коллекционер. Если так можно предать искусство, то что же останется? Если совесть, честь, истина – всё попорно – во что же верить? Во что же верить, господа? Да есть ли что-нибудь святое в этом подлунном мире?

Занавес.

